

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОПИСАНИЙ ПРАЗДНИЧНОЙ АТМОСФЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Рассматриваются языковые средства, отражающие праздничную атмосферу, использованные в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: наименования танцев, блюд, песен и т. п.

Роман «Евгений Онегин» – самое значительное по объему, охвату жизненных событий, многообразию тем и идей произведение А. С. Пушкина. С самого начала роман задумывался автором как широкая историческая картина, как художественное воссоздание исторической эпохи.

Являясь, по словам В. Г. Белинского, «энциклопедией русской жизни», роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» передаёт её во всей полноте и многообразии, рисует яркие образцы будничной жизни и многочисленных праздников. Последним в романе отведено значительное место. Составляющие праздников весьма разнообразны:

- танцы («Однообразный и безумный, Как вихорь жизни молодой, Кружится **вальса** вихорь шумный...»),
- блюда, русские трапезы («Пред ним **roast-beef** окровавленный, И **трюфли**, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И **Страсбурга пирог** нетленный Меж **сыром лимбургским** живым И ананасом золотым...»),
- музыкальное сопровождение (« И вынулось ко-

лечко ей Под **песенку** старинных дней: «Там мужички-то все богаты, Гребут лопатой серебро; Кому поем, тому добро И слава!» Но сулит утраты Сей песни жалостный напев; Милей кошурка сердцу дев.»)

Так, например, танцам посвящены авторские отступления, они играют большую сюжетную роль, что свидетельствует о том, что танцы были важным элементом дворянского быта.

В романе А. С. Пушкина сцены бала являются ключевыми. Как всё географическое пространство «Евгения Онегина» можно разделить на три основные части (Петербург, Москва и провинция), так и сцены бала можно распределить условно по трем группам: 1) *Петербургский бал* и светский раут, на котором Онегин снова встречает Татьяну; 2) *Бал на именинах Татьяны* в деревне; 3) *Московский бал* в Благородном собрании. Каждое из этих событий описано по-своему.

Бал в эпоху Онегина начинался **полонезом**, который в торжественной функции первого места сменил **менуэт**. В «Евгении Онегине» полонез не упоминается ни разу. В Петербурге поэт вводит нас в бальную залу в

момент, когда «толпа мазуркой занята», то есть в самый разгар праздника, чем подчёркивается модное опоздание Онегина. Но и на балу у Лариных полонез опущен, и описание праздника начинается со второго танца – *вальса*. Пушкин назвал этот танец «однообразным и безумным». Вальс был допущен на балы Европы как дань новому времени. Это был модный молодёжный танец. *Мазурка* составляла центр бала и знаменовала собой его кульминацию. Мазурка танцевалась с многочисленными причудливыми фигурками и мужским соло. И солист, и распорядитель должны были проявлять изобретательность. То, что Онегин «легко мазурку танцевал» показывает, что его дендизм и модное разочарование были в первой главе наполовину поддельными. Ради них он не мог отказаться попрыгать в мазурке. *Котильон* – вид кадрили, танцевался на мотив вальса и представлял собой танец-игру, самый непринуждённый, разнообразный и шаловливый танец.

Однообразный и безумный Как вихорь жизни молодой, Кружится вальса вихорь шумный...[1, 10] Бал становится в один ряд со словами «блеск», «шум», «вихрь», «говор», «младость», «радость». Бал – это движение, а значит молодость – яркость красок и звуков.

Онегин едет на бал: Перед померкшими домами Вдоль сонной улицы рядами Двойные фонари карет Весёлый изливают свет...[1, 90]

Улица спит. Дома спят. Обычные, простые люди давно уснули. А Онегин и те, кто живет, светской жизнью только начинают развлекаться.

Но ведь Пушкин тоже любит балы и сам признаётся в этом: Люблю я бешеную младость И тесноту, и блеск, и радость, И дам обдуманый наряд, Люблю их ножки...[1, 30]

Пушкин – молодой, весёлый, жизнерадостный человек. Он делится с читателем своими чувствами и воспоминаниями: *Дианы грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья! Однако ножка Терпсихоры Прелестней чем-то для меня...*[13, 10].

Другая из групп при описании праздничного антуража в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» – **блюда, русские трапезы**.

Поражает удивительная осведомленность А. С. Пушкина в вопросах современной ему кухни: в названиях блюд, в деталях их приготовления, кулинарной лексике. Он с блеском использует кулинарный антураж для создания яркой и полной картины жизни, различных слоев российского дворянства.

В романе есть несколько специальных «кулинарных» отступлений, в которых описываются «меню» ресторана «Talou» в Петербурге, домашнего дворянского застолья, чайного стола... По всему произведению рассеяны точные сведения о различных блюдах, готовых кушаньях и напитках: ... *Обед довольно прихотливый Бутылка светлого вина Уединенье, тишина Вот жизнь! ... Настанет вечер деревенский Бильярд оставлен, кий забыт, Перед камином стол накрыт... Давай обедать поскорей!.. Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина...* [1, 63]

Припомним один из эпизодов, описывающих день Онегина в Петербурге: ... К Talou помчался: он уверен, Что там уж ждёт его Каверин. Вошел: и пробка в потолок, **Вина кометы** брызнул ток; Пред ним **roast-beef** окровавленный, И **трюфли**, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И **Страсбурга пирог** нетленный **Меж сыром лимбургским живым** И ананасом золотым... [1, 33]:

«**Лимбургский сыр**» – импортировавшийся из Бельгии очень острый сыр, с сильным запахом. Лимбургский сыр очень мягок и при разрезании растекается («живой»).

«**Roast-beef окровавленный**» – холодное английское блюдо, бычья вырезка, зажаренная в печи или на вертеле таким образом, чтобы ее внутренняя часть осталась полусырой, «окровавленной», кроваво-розовой.

«**Трюфли, роскошь юных лет**» – горячее, истинно французское блюдо. Трюфли – это земляные грибы. В начале XIX века их иногда привозили из Франции, но уже к 30-ым годам научились добывать в подмосковных дубняках в Коломенском, в Бутове, под Подольском и около Серпухова.

«**Страсбургский пирог нетленный**» – пащтет из гусяной печени, который привозился в консервированном виде. В XIX веке оно было очень популярно, так как правильно приготовленный «пирог» не портился более недели. Именно поэтому А. С. Пушкин награждает его эпитетом «нетленный».

Чем же еще любила себя побаловать холостая светская молодежь Петербурга?

Здесь же, в первой главе, находим: ... Еще бокалов жаждя просит Залить горячий жир **котлет**... Затем, что не всегда же мог ... **Beef-steaks** и страсбургский пирог **Шампанской** обдывать бутылкой... [1, 62]

«**Котлеты**» – горячее блюдо русской кухни высшего класса. Приготавливались из телятины на косточке.

Beef-steaks – бифштекс из бычьей вырезки а ля Шатобриан (французская обработка английского национального блюда) – крупные кубические куски мяса, хорошо прожаренные на углях и в меру поперченные, смазанные кусочком холодного (только что из погреба) сливочного масла и обильно обсыпанные зеленью петрушки и укропа.

Какому же безалкогольному бодрящему напитку отдавала предпочтение аристократия Петербурга? Конечно, это был кофе. Его пили по-восточному, не процеживая: ... *Потом за трубкой раскаленной, Как мусульман в своем раю, С восточной гущей кофе пью...* [1, 70]

В главах, посвященных жизни семейства Лариных, читаем: У них на масленице жирной Водились русские **блины**... И за столом у них гостям Носили блюда по чинам... Простая русская семья, К гостям усердие большое, **Варенье**... ...Обряд известный угощенья: Несут на блюдечках варенья, На столлик ставят вощаной Кувшин с **брусничной водой**. [1, 74]

Блины, варенье, наливки, яблочная и брусничная вода – блюда традиционной русской кухни.

Пушкин с остротой и иронией создает еще один натюрморт. Перед читателем во всем «блеске» праздничный провинциальный стол, который автор видит глазами недовольного, рассерженного, как мы убедились, знатока изысканных яств Онегина.

Казалось бы, здесь все, как у Talou, – и пирог, и горячее блюдо, и деликатесы, и десерт, и шампанское, но все как в кривом зеркале: *Целью взоров и суждений В то время жирный был пирог (к несчастью, пересоленный); Да вот в бутылке засмоленной Между жарким и бланманже Цимлянское несут уже... Освободись от пробки влажной, Бутылка хлопнула; вино Шипит...* [1, 24]

Да, пирог не «нетленный», а «пересоленный», вместо изысканного «окровавленного ростбифа» сыт-

ное жирное «жаркое», деликатесы и десерты объединяет в себе «бланманже», которое Пушкин язвительно, подчеркивая провинциальное «смешенье языков» на французский лад, называет «бланманже» сладкое желе на желатине из миндального молока, а вместо шампанского – бутылка Цимлянского – донского шипучего вина. Для сравнения напомним, у Talon: *Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток.* [1, 51] «**Вино кометы**» – высший сорт шампанского урожая 1811 года.

Пушкинская насмешка направлена отнюдь не на еду, а на доков. Так с помощью кулинарного фона поэт подчеркивает всю несовместимость Онегина с провинциальной средой, бытом Лариных.

А. С. Пушкин в романе мастерски подметил, что на Руси, особенно в провинции, пьют чай с утра до вечера: ... Уж ей Филиппевна седая Принесит на подносе чай. «Пора, дитя мое, вставай...» Обряд известный угощения: Несут на блюдечках **варенье** Оставля чашку чая с **ромом**, Парис окружных городков, Подходит к Ольге Петушков... Уж восемь Робертов сыграли Герои виста; восемь раз Они места переменяли; И чай несут... Но чай несут; девицы чинно Едва за блюдечки взяли... [1, 80]

Ещё одна группа слов, помогающих в создании атмосферы праздника, – их **музыкальное сопровождение**.

Рассмотрим лишь некоторые праздники:

Зимние святки начинались с колядования. Песни, исполнявшиеся при этом, в разных местах России назывались по-разному: **колядки**, **овсени** или **виноградья**. Коляда и Овсень – мифологические персонажи песен – должны были принести крестьянам обильный урожай и домашнее счастье.

Девушки в святочные вечера гадали: Настали святки. То-то радость! Гадает ветренная младость, Которой ничего не жаль, Перед которой жизни даль Лежит светла, необозрима; Гадает старость сквозь очки У гробовой своей доски, Все потеряв невозвратно; И все равно: надежда им Лжет детским лепетом своим. ... [1, 43]

Гадания были разные, их было много. Некоторые из них сопровождалась **подблюдными песнями**. Татьяна верила приданьям Иностранной старины, И снам, и карточным гаданьям, И предсказаниям луны. Ее тревожили приметы. ... [1, 40]

Песни святочных гаданий предвещали судьбу: богатство или бедность, скорую свадьбу или вечное девичество, удачное и несчастное замужество, разлуку, дальнюю дорогу, смерть: *И вынулось колечко ей Под песенку старинных дней: «Там мужики-то все богаты, Гребут лопатой серебро; Кому поём, тому добро И слава!»*, но сулит утраты *Сей песни жалостный напев; Милей кошурка сердцу дев.* ... [1, 48]

Масленица – следующий после зимних святок крупный праздник в деревне. Масленицу праздновали в течение недели, шумно, разгульно, весело. На проводы зимы устраивались пиры с непременно блинами, катанье с ледяных гор, кулачные бои, катанье на тройках: *Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины; У них на масленице жирной Водились русские блины; Два раза в год они говели; Любили круглые каче-*

ли, Подблюдны песни, хоровод; ... [1, 26]

Масленичными песнями встречали Масленицу, прославляли ее и подсмеивались над ней, прощались с нею. В песнях она то красивая девушка, то «баба-кривошейка», то «дорогая гостья», то «обируха» и «обмануха».

В **Семик**, празднично одевшись, девушки отправлялись в лес завивать березу: перевязывали концы деревьев кольцами, сплетали березовые верхушки с травой, пригнув березу. Венок, образованный ветвями, представлял собой магический круг. Березу завивали на несколько дней – до Троицына дня, когда шли смотреть, завял венок или нет, и в зависимости от этого предугадывали, счастливым или несчастным будет ближайший год и как сложится судьба гадающей девушки: *В день Троицын, когда народ, Зевая, слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три; Им квас как воздух был потребен, И за столом у них гостям Носили блюда по чинам.* [1, 26]

В **Троицын день** девушки и женщины устраивали похороны березы, «русалки», «кукуши». Сломанную ветку или особую траву, называемую «кукушей», наряжали и затем закапывали под песню, как правило, на огороде.

В празднике на **Ивана Купалу** участвовала вся деревня. С песнями обходили поле, на меже жгли костры. Делали чучело и сжигали его на костре, через костер перепрыгивали. **Купальские** песни рассказывают и о ритуальных купаньях в реке.

Трем этапам **жатвы** соответствуют три вида песен: **зажиночные** – в начале уборки урожая; собственно **живные** – во время полевых работ (в этих песнях говорится в основном о самом труде крестьянок в поле); **дожиночные** (обжиночные) – поются после окончания жатвы.

Итак, вся жизнь народа крепко связана с песней. Труд, отдых, радость, горе – все нашло в ней свое отражение. Песни передавались из уст в уста, хранились в памяти народа и переходили из поколения в поколение. В народной песне нашли воплощение все лучшие черты русского характера: доброта, широта, трудолюбие, душевная щедрость и смелость. Всё вышеперечисленное нашло яркое отражение в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Анализируя собранный материал, мы пришли к следующим выводам:

✓ А. С. Пушкин, вводя в свой роман описание русских трапез, народных обычаев и праздников, создает своеобразный красочный фон романа, который в свою очередь является показателем реальности описываемых событий.

✓ Современный читатель в этом романе, как в энциклопедии, может узнать все об эпохе: о культуре того времени, о меню престижных ресторанов и домашнего дворянского застолья, о том, как проходила трапеза в русских провинциальных семьях, какие народные обряды и традиции соблюдались в них и т. д.

✓ На протяжении всего романа читатель сможет проследить, как именно в России встречали Рождество, Новый Год, Масленицу, именины; праздновали Троицу и Пасху, Крещение и Татьянин день, свадьбу; как проходили весенние обряды и гадания и т. п.

Литература:

1. Пушкин, А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах / А. С. Пушкин. – Минск: Нар. асвета, 1979. – 176 с.